

«Всё, что доброго сделаю...»

Очерк жизни и творчества члена Союза писателей Российской Федерации
Сергея Алексеевича Полякова.

Шестой по счёту сборник своих произведений Сергей Поляков решил выпустить не в юбилейный для него год, а в год 265-летия родного Нязепетровска. Думается, что и читателям, и почитателям таланта своего земляка, к коим отношу и себя, небезынтересно и даже поучительно узнать о его жизни и творчестве.

Сергей Поляков – уроженец Нязепетровска. В нём сошлись все типические черты нязепетровца: в характере, в отношении к миру, во внешности. Высокого роста, хорошо сложен, светлые курчавые волосы, серые глаза, гармоничное лицо, густая, картинная борода. С такими данными можно смело сниматься в кино, и, уж тем более, позировать художникам. В местном краеведческом музее висит его портрет работы Анны Бутаковой – профессиональной художницы. Даже при столь эффектной натуре, которой обладает Сергей, о портрете можно сказать словами Пушкина: «Но это зеркало мне льстит».

С первого же знакомства, а состоялось оно году этак в 1968-ом, Сергей озадачил. Появился студент Магнитогорского пединститута, ещё не сформировавшийся «выунош», в каком-то нелепом «малахае» из собачьего меха, непонятно о чём поговорил и удалился. Когда позднее читала его рассказ «Ночные бдения», представляла себе именно такого абитуриента. Дальнейшие встречи были случайными, с обменом на ходу какими-то «хохмами». Было видно, что парень набирается «столичного» лоска.

Декан их факультета и преподаватель литературы Ева Лазаревна Лозовская, умнейшая и острейшая на слово женщина предпенсионного возраста, с чёрными, как смоль, волосами и чёрными пронзительными глазами, слыла бескомпромиссной и беспощадно строгой ко всем: и коллегам, и студентам. Любимчиков у неё не существовало. Бездельников она не терпела. Но была проста в обращении с теми, кто любил язык и литературу не напоказ. Сергей удостоился именно такого отношения. У Евы Лазаревны был нюх на таланты. На предложение остаться работать на кафедре после отработки положенных трёх лет Сергей решительно отказался. Хотел посмотреть жизнь и попробовать себя в литературе.

Похоже, что в дневной школе Сергей не блистал успехами. В 14 лет, когда он учился в 8-ом классе, не только учителей, но и его самого совершенно не стал устраивать статус «оболтуса». Едва получив документ о неполном среднем образовании, он поступил в вечерний машиностроительный техникум и устроился учеником слесаря на местный машиностроительный завод. Через год понял, что не стоит мучить преподавателей и технические дисциплины, и отправился получать среднее образование в ШРМ, о которой с нежностью, по-есенински, говорил: «ШЭРЭМэ ты моя, ШЭРЭМэ!...»

В то время там доучивались либо взрослые люди, не сумевшие вовремя получить среднее образование; либо подростки из бедных семей, которым приходилось рано идти на производство; либо «лоботрясы», не вписавшиеся в систему дневной школы.

Именно в ШРМ Сергей окончательно определился с пристрастием к литературе и стал испытывать на прочность свою учительницу Людмилу Павловну Иванову, засыпая её сочинениями и рефератами по творчеству писателей, ибо уже точно знал, что после школы будет поступать на филфак.

Анекдотическая ситуация возникла на выпускном экзамене по химии, когда вместо описания таблицы Менделеева Сергей талантливо «охмурил» учителей, переведя рассказ на Александра Блока, зятя великого учёного – химика, и начал уже читать его поэму «Двенадцать». Закончить ему не дали. Вся комиссия дружно расхохоталась и сошлась на «троечке», поняв, что этим познания выпускника и ограничиваются.

В 60-ые годы в школах учительствовало довольно много мужчин, по большей части – бывшие фронтовики. И они, и женский состав педагогов были образцом оплота советского общества: мужественные, решительные, авторитарные. Вместе с тем, каждый был такой яркой индивидуальностью, таким самобытным, что «просится на бумагу», и Сергей «мучается» с ними, желая «запечатлеть», но не обидеть память о них. На сегодня в его творчестве нет

свидетельств, какие предметы или учителя были любимыми, за исключением одного рассказа «Инженер» о заводском инженере, случайно оказавшемся в школе и пробудившем во всех учениках и даже в явном гуманитарии интерес и способности к математике.

Сам он с содроганием вспоминал, как в средней школе № 1 все стены были увешаны газетами под одним и тем же названием «Математика – царица наук». Поэтому, получив аттестат о среднем образовании в «вечёрке» и водя пальцем по алфавитному списку вузов области, наткнулся сначала на Магнитогорский пединститут, где был филологический факультет и не нужно было сдавать экзамены по точным наукам. Буква Ч стоит значительно ниже, поэтому Челябинский пединститут не смог заполучить в свою alma mater будущего писателя.

К литературе Сергей потянулся самостоятельно, читая и зачитываясь прежде всего Буниним. Много позже, в конце первого десятилетия нового века, он, оказавшись в Германии, совершает авантюрную поездку во Францию, только для того, чтобы поклониться праху своего Учителя.

Бунин полюбился в юношескую пору, когда появился вкус к литературе, а на раннем этапе, едва научившись читать, Сергей «пудами» таскал книги из библиотеки, благо она была недалеко от дома, и «проглатывал» их. Но проделывал это только с понравившимися книгами. Остальные возвращал нечитанными. Библиотекарши с подозрением относились к такому «скорочтецу», заставляли пересказывать содержание книг. Юный книголюб лихо справлялся с заданием. Что касалось непрочитанных книг, то и тут он, «ничтоже сумняшеся», на ходу придумывал содержание, руководствуясь только названием или картинкой на обложке, или поверхностным перелистыванием книги ещё дома. А «тётеньки» поражались: «Вот врёт! Откуда что берётся?!» Может тогда зарождался его сочинительский талант?

Дар слова вместе с яркой внешностью ему наверняка «передала» матушка, Клавдия Ивановна. Дедушка по линии матери, служивший водолазом, за словом в карман не лез. Обедая в артели, а хлебали суп из одной чашки, мясо же начинали «таскать» по команде «старшего», дедушка, талантливо вычислял «момент истины», когда ложка бригадира замирала, готовясь ударить по чашке, и вворачивал смешную фразу. Люди вповалку лежали от хохота, а дедушка, Иван Хрисанфович, преспокойно управлялся с мясом. Но и с отцовской стороны были «самородки», владевшие словом.

Гуманитарную направленность своего интеллекта Сергей объясняет через рассказ матери о его появлении на свет. Была вторая половина декабря 1951 года. «Рожала я, как и все, в больнице на Китайской горе. Примерно через неделю нас выписали. Холод был страшный! А Китайская вон как далеко! Пока несла сына на Озёрную, руки поморозила. Несу и думаю: «У меня руки застыли, а вдруг у него, такого малюсенького, головку прихватило?»» «Так что, наверное, мама и заморозила у меня ту часть мозга, которая отвечает за математику. Потому я так однобоко и развился» - резюмирует со смехом Сергей.

В автобиографической повести «На девяти холмах» писатель говорит, что его родителям некогда было его воспитывать. Все их силы и время уходило на зарабатывание денег. На мой взгляд, это сохранившиеся детские комплексы. Наиболее правильным и эффективным считается воспитание без назиданий, без нотаций, непреднамеренное. Дети просто перенимают или отвергают модель поведения родителей и их жизненную философию. Праздности в этой семье не было, погони за материальным - тоже. Труд, скромность в поведении и потребностях, самоуважение без чванства и почитание старших – таковыми были главные жизненные постулаты у Поляковых. Дожив до возраста своих родителей, Сергей стал понимать, что их, как ему казалось, чрезмерная озабоченность финансовой и материальной стороной жизни объяснялась бедным, голодным детством и большими лишениями в юности и, конечно же, стремлением избавить своих чад от того, что пережили сами.

Те, кто знал главу семейства Алексея Николаевича, преподавателя и завуча местного ПТУ, отмечают его чрезвычайную строгость и серьёзность, замкнутость. Несмотря на очень сдержанные отношения, Сергей считает, что отец оставил ему в наследство нечто большее, чем материальное. Это загадка-головоломка, представляющая собой кубик в кубике из металлических граней. Сделал её Алексей Николаевич своими руками, а Сергей видит в этом не только технический изыск, но и философский смысл, пытаюсь разгадать, что же отец

закодировал в своём послании, и усматривает в этом извечное стремление к творческому поиску и самореализации.

Мать была иного склада: открытая, общительная, жизнерадостная, обладавшая даром рассказчицы как в плане языка, так и манеры изложения – очень артистичной. Клавдия Ивановна известна нязепетровцам как кондуктор на так называемом «кругосветном» автобусе, который ездил по маршруту Нязепетровск – Белокатай. Наиболее эрудированные пассажиры называли её Магелланом. Кто знает, какой психологический климат создавал сей мореплаватель, но Клавдия Ивановна была и требовательной, и доброжелательной одновременно, то есть при ней «не забалуешь», но и не утомишься от её разговорчивости. Умела соблюдать золотую середину.

Многочисленные родственники, помогавшие «водиться» с Серёжей в его самом нежном возрасте, пока родители были на работе, создавали чудную языковую и «ветхозаветную» среду, которая и формировала его личность. Так воспитывалось тогда преимущественное большинство провинциальных ребятишек. Но лишь те, в ком есть Божья искра, смогли поведать в слове о жизни, о становлении человека.

Если в семье Буниных все родные Ивана с его малых лет были уверены, что его ждёт блестящее будущее, то родственники Сергея Полякова были о нём иного мнения. Считали его «неловеньким, простеньким, нетуликой» и настоятельно рекомендовали родителям завести ещё одного ребёнка, ибо «из первенького ничего путного не выйдет». Младший братик – Юра «получился» только через 7 лет. Старшему брату это дало право не раз напоминать: «Если б не я, и тебя бы не было». Юра оправдал надежды его ожидавших, и хотя его жизненный путь не был усыпан розами, но он – спокойный, выдержанный, уравновешенный. Впрочем, и Юрия не миновала «стихия» сочинительства: сначала «баловался» пародированием классики («Как хороши, как свежи были розы, Я их жевал с зелёною листвою»), потом писал своё и заносил в блокнот. Сергей и Юрий – это разные психотипы, разные характеры, у них разные интересы, разные взгляды на жизнь и разное отношение ко многому. Единоы они в своей страстной тяге к рыбалке и охоте.

Сергею эту «болезнь» привил дальний родственник, у которого по выходе на пенсию появилась острая потребность передать и любовь к этим чисто мужским «забавам», и все навыки рыбака, охотника, сборщика ягод, грибов, а так как взрослый сын «подарил» ему только внучек, то он свой педагогический пыл перенёс на юного родственника, избавляя его от комплексов «неловенького, нетулики». В великолепном рассказе «Признание в родительский день» дядя Саша представлен и наставником, и искусителем, и нравоучителем.

Особенно сильно Сергей ощущает в себе гены своего деда по матери, Ивана Хрисанфовича («Крысаныча»), простого мужика - колоритной, художественной натуры. О нём он рассказал в повести «На девяти холмах».

Положительное влияние на него оказал так же его земляк Владимир Котов, парень хоть и моложе, но такой «башковитый» и с такими здоровыми установками, что и Сергей рядом с ним стал «выправляться».

Итак, институт окончен, распределение – Нязепетровский район. «Что же ты будешь делать в глухой деревне?», - думалось мне.- С твоей-то нестандартностью, с твоими устремлениями, далёкими от учительства?» А он и в самом деле, не находил там приложения своим духовным устремлениям. Может, то было к лучшему? Молодой человек начал всё больше «вкапываться» в действительность, больше времени уделять литературным занятиям.

Кажется, в этом же году мне пришлось побывать по делам в Сказе, где Сергей и учительствовал, и директорствовал. После обсуждения вопросов, ради которых приехала, он попросил меня прочесть его рассказы и дать им оценку. К естественному интересу примешивалось смущение, ибо литература не мой профиль, хотя литературу любила всегда и развивала к ней вкус, делая упор на классику, и с этих позиций оценивая произведения современных авторов. То были три рассказа: один - впечатления автора о Москве, в которую он попал впервые; второй – об адаптации молодого выпускника института в деревне. Эти «творения» вполне соответствовали уровню начинающего «молодого пера», как иронично «окрестил» себя Сергей. А вот рассказ «Один в лесу» поразил зрелостью, проникновением в

самые глубины человеческой души и человеческих взаимоотношений. Тогда подумалось, как удалось такому молодому человеку, который сам только начинает жизнь, передать переживания старика, сознательно и добровольно приговорившего себя к одиночеству? Отметила и стиль – прежде всего, свой, индивидуальный, легко читаемый, но не упрощённый, с хорошим ритмом. И ещё сделала для себя открытие: как органичен местный говор в устах персонажей, как они самобытны с этой речью. А ведь до сих пор я потешалась над этим «Щё пощём?» Теперь я увидела, сколько образности, житейской мудрости в речи нязепетровцев. Не помню, что я говорила «по поводу», но прониклась уверенностью, что это не «проба пера», а подлинный талант.

И в самом начале, и поныне писателя отличает высочайшая требовательность к себе, огромная работоспособность, стремление во всём «дойти до самой сути», до совершенства. Он постоянно переделывает свои творения. Так, рассказ «Один в лесу» переписывал 18 раз. Из ничего пытается сделать нечто. Сам проводит аналогию с кухней и кухаркой. «Плохая хозяйка хорошие продукты загубит, а хорошая, искусная из ничего приготовит – пальчики оближешь, «ум отъешь». Снежинку, чтобы она блеснула, приходится поворачивать, изменять угол зрения. Вот так же и слово: крутишь его, вертишь, поменяешь форму,ставишь в какое-нибудь словосочетание, глядишь – и заиграло оно, зазвучало по-новому». Пример – со словом «рожусь». В русском языке нет такой формы. А у Полякова оно появилось и очень естественно вписалось в контекст: «Ребёночек-то ещё во чреве матери сидит, а уже горюет бедный: «Виноват! Вот **рожусь** – как жить буду?»

Иван Алексеевич Бунин был не единственным вдохновителем Сергея Полякова на писательство. Большую роль в поиске и нахождении темы сыграл земляк Николай Темников. Его публикации в районной газете «Заря» по истории Нязепетровска навели молодого учителя, только пробующего перо, на мысль, что история заселения этих мест связанными со всей России работными людьми, их характеры, жизненный уклад, философия, язык – благодатный материал для исследования и описания. Сергей даже списался с автором публикаций, который к тому времени переехал в другую область, и сохранил единственное письмо от него. Много лет он собирался съездить к земляку, но собственные «дела и делишки» не пускали, а когда, наконец, он попал в те края и едва обнаружил только смутные воспоминания об этом человеке, клял себя за несвоевременность и за невнимание к человеку, и в какой-то мере искупил свою вину, написав покаянный рассказ «Зарок».

И здесь как нельзя кстати оказалась «сокровищница» родной тётки по отцу Антонины Николаевны Мантуловой – накопленные с 50-ых годов истории семьи Поляковых, их ближайших родственников, соседей, друзей, а также частушки, пословицы, поговорки, присказульки, побасёнки, словечки, которые были в ходу в их среде. Всё это придаёт особый колорит рассказам и повестям Сергея Полякова.

Примерно в эти же годы ему попадает книга немецкого писателя Эрвина Штритматтера «Лавка», и, хотя книга переводная, Сергей решает, что писать нужно вот так, не только про своих земляков – простых людей, но и для них, быть не н а д ними, а вместе с ними. «Писать их самих. Работать не для Бога, беспредложно – Богу. Сначала искал человека в человеке. Потом пришёл к тому, что надо искать Бога в человеке, и с Ним разговаривать в читателе. И в себе искать Бога». Это – кредо автора по сей день.

Было у Сергея увлечение музыкой и стремление научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Родители категорически воспротивились этому, ибо в их представлении это был верный путь к алкоголизации. Примеров тому вокруг было немало. А вот к литературным занятиям старшего сына отнеслись, мягко говоря, настороженно. «Матушка на мою заикленность на литературе говорила: «Ну, был бы ты инвалидом, а то ведь здоровый парень, и будешь писать. Тогда я едва удержался от того, чтобы оттяпать себе руку или ногу, и уже спокойно, без упрёков, заниматься любимым делом».

По заведённому тогда порядку Сергея направили на курсы повышения квалификации в Челябинск, где он познакомился с молодой учительницей из Верхнего Уфалея, Галиной – красавицей и умницей, себе под стать. Поженились, Сергей переехал в соседний город, где так и осел. Произвели на свет двух сыновей и дочь.

Творческие люди склонны к перемене мест. Сергей же и искал себя, и пытался выжить в бурное время, чтобы не держать семью на скудном пайке. Сменил не одну профессию (журналиста, диспетчера завода, бойца пожарной охраны и т.д.) и не одно предприятие. Но всегда на первом месте было писательство. «Ей, работе писателя, – первую энергию». Печатался в газетах – местных, областных, центральных; в региональных журналах «Урал», «Уральский следопыт», в коллективных сборниках; издавал книги со своими рассказами и повестями.

Первая же книга «Сны в лесной избушке» вышла в столичном издательстве «Современник» в 1986 году. Поразителен по силе воздействия рассказ «Один в лесу», да и другие читаются с огромным интересом. В них ярко представлены характеры и судьбы земляков, их «своеобышность», сочный язык.

Вторая – «Признание в родительский день», изданная в Южно-Уральском книжном издательстве, появилась в 1987 году. Этой книге было предпослано очень хорошее слово писателя Георгия Баженова. Он отмечает «предельную искренность автора, соединённую с его гражданской и социальной зоркостью. ... Драматичность жизни он умеет сдобрить юмором и шуткой, так что общий колорит рассказов при всей их серьёзности – жизнерадостный и жизнеутверждающий. ... Совесть, добро, труд, любовь – это то, что несёт в себе идеал народа; именно этот идеал подхватывает в своём серьёзном поэтическом слове Сергей Поляков».

Герой рассказов Полякова – среднестатистический россиянин, житель глубинки, такой же простой смертный, как мы с вами, оказывающийся в весьма знакомых для нас обстоятельствах. В то же время это не серая, безликая масса, каждый индивидуален в речи, в действиях, в поступках. Прежде всего, все рассказы великолепно композиционно выстроены. Верно найдена завязка и развязка сюжета. Немногословный, но точный рисунок среды, в которой действуют персонажи: природа, быт, производство, и эти описания не притянуты за уши, а выполнены естественно, как это и сосуществует в жизни людей. Всё это работает на авторский замысел, идею, сюжет. Писатель так мастерски рисует все детали обстановки, создаёт такие незатейливые, но занятные реалистичные сюжеты, что чувствуешь себя не наблюдателем, а участником описываемых событий, испытываешь те же чувства, что и персонажи. Разве не приходилось вам ощущать блаженство от лесной прохлады и всей совокупности звуков, запахов, видов природы; радость от встречи с родными, любимыми и любящими людьми; страдать от угрызений совести при неблагоприятных поступках? Живописна речь персонажей, в зависимости от уровня образованности и культуры: либо «парвеню», либо «не хайлай», оснащена образными выражениями, но не общеупотребительными, а известными только в данной местности, что привязывает действие конкретно к Нязепетровску или Верхнему Уфалею и делает его ещё более реалистичным. Автор тоже никогда не бывает сторонним наблюдателем происходящего. Даже если он не повествует от первого лица, он всё равно выступает полноправным персонажем.

При кажущейся простоватости, неприспособленности или, точнее, неприспособленчестве, ему удавалось не только печататься, но и поучиться на Высших литературных курсах при институте имени Горького в Москве, стать членом Союза писателей России. Сам он при этом не «разбивал лоб», не угодничал. Всё получалось само собой, ибо мир не без добрых людей.

«Уже тогда что-то начало доходить до меня, – вспоминает Поляков, – когда профессор Куницын, атеист, говорил: «Идёт расчеловечивание человека». Много позже я понял: идёт разбожествление человека».

В период московской учёбы начинающий писатель общался с большими писателями: Сергеем Залыгиным, Георгием Баженовым, Владимиром Карповым, Виктором Конецким, Сергеем Есиным. С удовольствием работал с областными товарищами по литературному цеху: Владимиром Носковым, Сергеем Семянниковым, Владимиром Чернозёмцевым, Николаем Егоровым, Геннадием Скобликовым, Владимиром Максимцовым.

Сергей мужал. Если «на заре туманной юности» его сравнивали с Есениным, то с бородой стали именовать Толстым. Он воспринимает это как шуточки и сам иронизирует: «Я не так красив, как мудёр».

От догматизированного институтского образования Сергей переходит к серьёзному самообразованию. Много читает, размышляет. Его эстетические ориентиры – протопоп

Аввакум, апокрифическая древняя литература, Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Лесков, Фонвизин, Чехов, Бунин, Астафьев, Белов, Шукшин, Юрий Казаков. Из иностранных – Эрнест Хемингуэй, Скотт Фитцджеральд и, особенно, Джон Стейнбек.

Памятуя высказывание Гёте «Кто не знает иностранных языков, тот не имеет понятия о своём собственном», он «подналёг» на немецкий и благодарит школьную учительницу Зою Матвеевну Самохину за то, что она в своё время «вбила азы». Героиня его рассказа «Диалог на немецком» сожалеет об упущенной возможности вовремя овладеть иностранным языком. Мы понимаем, что это чувства автора. Заодно он живописует «идиотизмы» в системе образования, с которыми ему приходилось сталкиваться и мириться. Посильно осваивает писатель и латынь.

Сергей много ездит по стране, и даже в ближнее зарубежье, но не за впечатлениями, а бизнеса ради, общается и с простыми работягами, и с интеллигентами, и с интеллектуалами, и с «тёмными личностями».

В третьем сборнике рассказов и повестей «Амулет индейского вождя», вышедшем в Челябинском издательстве «Форум-издат» в 1993 году, заметно, что стиль его становится изощрённым, обретшим библейскую лексику. От мягкого юмора он переходит к сарказму. Поступки и подспудные мысли своих героев препарировал острым лезвием.

Журналист Валерий Ерёмин, корреспондент газеты «Челябинский рабочий», знаком с Сергеем Поляковым, его творчеством. Хотя изредка, да встречаются два словесника. По публикациям их бесед прослеживается диалектика мировоззрения писателя.

Времена стали жёстче. Уходит милая патриархальность. Слишком круто всё меняется. Все процессы «лихих 90-ых» Сергей Поляков воспринял неоднозначно. Как всегда, уловил настроение своих земляков в образной формулировке: «Мозга в одну сторону повернулась, а ноги на старое место идут». А поскольку привычный уклад жизни начал рушиться вал за валом, коверкая всё на своём пути, он и тут увидел не конец, а вспомнил давнюю народную мудрость: «В бурю беги к комлю падающего на тебя дерева». Многие становятся известными, прежние подаются в ином свете и толковании. Всему новому хочется верить, ведь это исходит от свежих просвещённых умов, а не от оголтелых, надоевших идеологов. Сложно, будучи продуктом одной системы, освободиться от её нормативов, критериев, методов. И Сергей не удерживается от беспощадного свержения прежних идолов, что вызывает возмущение и неприятие у тех читателей, которые прикипели к своей скорлупе и не желают расставаться с ней. Он полон надежд на переустройство общества, человеческих взаимоотношений, на искоренение всего косного, что так отравляло жизнь. Входит в команду верхнеуфалейцев, которая под руководством начальника Управления культуры городской администрации Любови Костюковой (ныне заместителя министра культуры области) разрабатывает городскую программу «Малая родина». К её осуществлению подключили местную власть, интеллигенцию, газеты. Помогают местным художникам организовывать выставки, открыли в библиотеке литературный музей и гостиную, где собираются послушать писателей и поэтов, готовят к изданию краеведческий сборник, приводят в порядок архивы городского музея, установили мемориальные доски своим знаменитым землякам: журналисту Евгению Замятину, врачу и поэту Анатолию Мужеву. Сергей руководит местным литературным объединением; читает курс по фольклору в Челябинском институте развития профессионального образования на факультете библиотечной работы; проводит творческие встречи в рабочих коллективах, в школах.

Пройдена и эта стадия. Он «привык смотреть в обманчивые дали». Состоявшийся, но не остановившийся писатель Сергей Поляков осмысливает жизнь через накопленную человечеством мудрость и сконцентрированную в эпосе, исторических преданиях, в мифологии, в Библии. И теперь через эту призму рассматривает он судьбы, характеры людей. Мы читаем не сюжеты и бытописание земляков, а их сложное существование в пространстве и времени. Писатель пришёл и к пониманию ценности Слова как такового, и слова изречённого. При первоначальном прочтении его рассказа «Верьте моему слову» видишь только поединок между наглым подростком и слабохарактерным молодым учителем. При повторном прочтении понимается нечто большее, библейское: «Верьте, и воздастся вам...».

В 2002 году появляется очередной его сборник «От скуки жизни», вышедший в Челябинском издательстве «Околица». Ещё отточеннее становится перо писателя, филиграннее слог,

многообразнее типажи, места действия, сюжеты. Заметно обновляется соответственно времени и стиль, и словарный запас самого писателя и его «героев». Удивляет и восхищает умение автора в небольших по объёму рассказах поведать о судьбах, характерах, событиях и сделать это не отстранённо, а так, будто это о его и твоих хорошо знакомых людях.

Рассказ «Холодно!» - всего лишь о встрече на зимней дороге, на перекрёстке, двух незнакомых молодых людей. Оба одиноки, замёрзли физически, но ещё более – душой. И что им стоит притянуться друг к другу, обогреться! Но нет, что-то мешает жить как зовёт сердце. Маленькая трагедия, выписанная всего на пяти страницах.

Поляков мастерски пользуется литературными приёмами, одни речевые обороты чего стоят. Не зря же он учился на филфаке и на литературных курсах. Но, на мой взгляд, это идёт не столько от знания, сколько от интуиции, таланта, собственного стиля.

Рассказы и повести, напечатанные здесь, наглядно отражают нынешний день, когда «прервалась связь времён», появились упитанные бритоголовые «качки», философствующие бомжи, и прочая, и прочая. Образно говоря, «зоопарк вырвался на волю». Но писатель, сам оказавшийся не у дел, вынужден заниматься извозом, кооперируется с другом и колесит по «обновлённой», постперестроечной Руси и за её пределами, в советское время бывшим «вотчинам», и опять же в самой глубинке отыскивает л ю д е й.

В повести «От скуки жизни», так же, как и в повести «Оперативный исполнитель», писатель сумел показать все хитросплетения в отношениях между людьми, всю сложность этого живого организма – коллектива, не только его созидательную, мобилизующую силу, но и тормозящую, разрушительную, и не только для дела, а и для любого человека, будь он маленьким «винтиком» и неяркой личностью или «масштабным», значительным индивидом. Автор даёт психологическое обоснование всем изображаемым явлениям, событиям и процессам, привлекая даже Ницше, Фрейда, и, так же, как они, беспощаден. Но, опять же, благодаря автору, мы не отторгаем всех его персонажей, а принимаем их такими, ибо понимаем, что в основной массе мы, люди, не делимся на «хороших» и «плохих», а в каждом из нас намешано и того, и другого.

Хорошо просматривается в этом «сонмище людском» герой, прототипом которого является сам автор. Это напоминает картины старых мастеров (Гойя, Рембрандт, Брюллов), на которых нарисовано много людей, и среди них художник непременно изображает себя, далеко не на первом плане, но таким особенным, что зритель поневоле выделяет его.

Вероятно, для сопоставления эпох, людей, нравов, он помещает здесь же хронику «На девяти холмах». Для любого писателя самая благодатная тема – детство, отрочество, юность, когда ты ещё «наивен, добр и чист», и только открываешь мир, который создан специально для тебя, а ты осчастливишь своим вступлением в него всё человечество. Чаше всего писатели дают такое розово-голубое описание, что невозможно удержаться от слёз умиления. Поляков пишет о своих «пенатах» реалистично, как всегда, с юмором, не покрывая сусальной позолотой своих героев. «Бабушка, - спрашивает внучек, - а что первое появилось – яичко или курочка?» «Ещё говорят «на белом свете», а не всё на нём...» И, тем не менее, ты понимаешь, как всё это ценно и значимо для становления личности, понимаешь, почему в такой среде, общей для множества ребятешек, из мальчишки, ничем не отличавшегося от других, вырос человек, который остался жить среди нас – обычных; так же, как и мы, мыкается, но не может не писать о себе и о нас, размышляет, а почему же мы так нескладно живём, будит и нашу мысль, и нашу совесть.

Сергей Поляков любит утверждать, что он гуманитарий до мозга костей. Но когда читаешь его рассказы и повести, где он дотошно описывает различные виды работ: от рыбалки, покоса до организации технического производства на заводе, в пожарной части и др., видишь, что он далеко не «дуб» в негуманитарных вопросах.

Через пять лет, благодаря очередному юбилею города Нязепетровска, Сергею Полякову удаётся издать в «Книге» (Челябинск) очень красочный сборник своих произведений «На девяти холмах» с цветными фотографиями родных мест, копий с картин Анны Бутаковой. Открывает сборник уже знакомая повесть «На девяти холмах», которую, тем не менее, перечитываешь с удовольствием.

Когда в душе человека поют птицы? Когда он вычистит в ней хотя бы маленький уголок – добрым деянием, осознанием собственной несправедности. Памятник матери воздвиг герой

рассказа Сергея Полякова «Памятник» после того, как покуролесил по жизни, походя поломал не одну девичью судьбу, выбрасывал из дому иконы, отлучил от собственной дочери её мать. «Прозрел» он, оставшись в одиночестве, имея возможность всё вспомнить, осмыслить и устыдиться своих «подвигов».

Поэт Константин Скворцов в одном из своих сонетов (90) пишет:

Ищу не слово – жажду естества.

Поэт достигнет мастерства,

Когда постигнет в совершенстве Чувство!

«Что движет солнце и светила?» Это важнейшее из всех чувств остаётся для каждого человека откровением сегодня, как и тысячу лет назад. Герои рассказов и повестей Полякова редко в своих высказываниях упоминают слово «любовь», но оно движет всеми их поступками, хотя не раз они и предают своих любимых, и либо их укоряют за это впрямую, либо сами мучаются угрызениями совести. В рассказе «По холодку» одна старушка напоминает о грехе молодости своей «товарки», и та впервые задумывается над содеянным, хотя и пытается оправдаться. В повести «Спуститься с горы» главный герой «подставляет» любимую девушку, и теряет её совсем. Подросток в автобиографической повести «На девяти холмах» не знает, что делать с только ещё пробуждающимся чувством, но интуитивно понимает, что не стоит следовать советам «опытных» дружков. После исследований и размышлений о том, почему одни огурцы горькие, а другие – нет, подростки с помощью местного «Эйнштейна» приходят к умозаключению, что «не с жопки надо исть, а с другого конца, и солью пушке посыпать». И наш юный «возлюбленный» думает о своей ранней любви, «а может, не с того это надо начинать?»

Сергей Поляков, по сути своей оптимист, написал всё-таки трагедию, хотя и в прежних его произведениях герои умирали, но то были предки, оставившие сей мир по причине естественной смерти по возрасту, либо это Илья Мельник («Оперативный исполнитель»), чьё сердце, измотанное в советских концлагерях, не выдержало в момент наивысшего расцвета его жизненных сил уже в либеральную эпоху, когда он, казалось, нашёл формулу человеческого счастья. А вот когда друг убивает друга (рассказ «Не бери в голову»), пусть и непреднамеренно как будто, потому что нажива, материальное благосостояние, уверенность, что всё покупается и продаётся, и даже любовь, становятся единственными движущими мотивами в жизни – становится страшно. И автор сознательно не доводит сюжет до конца. Мы не знаем, как поступит Володька, оказавшись с убитым другом наедине, примет ли он наказание как должное, осознает ли всю меру своего нравственного обнищания в угоду материальному обогащению. Писатель оставляет это нам, читателям, но не для того, чтобы судить, а чтобы заглянуть в себя, а мы-то каковы?

Боль, тревогу за природу, за её бездумное, губительное «освоение» людьми писатель выразил в рассказе «Пришли и начали», весьма неожиданно использовав сюжет, казалось бы, очень радостный – получение и заселение в благоустроенные квартиры. Через своих героев Сергей Поляков показывает, какой вред мы наносим природе, пытаясь преобразовывать её вместо того, чтобы приспособливаться к ней самим. Мысли не новые, но поданные через осмысление простыми людьми и потому воспринимаемые близко.

Завершает сборник неприкрашенная творческая лаборатория писателя, где можно найти сюжеты, ситуации, наблюдения, мысли, притчи, анекдоты, байки, истории, пословицы, поговорки, слова, неологизмы, и, хотя наряду с перлами там предостаточно и мусора, заглянуть в тайны писательского ремесла всегда интересно. «Когда б вы знали, из какого сора...» Студенты, работавшие с прозой Полякова, получали высокие оценки за свои рефераты. Дочь писателя Юля, сделавшая в школьные годы работу по фольклорной «копилке» семьи Поляковых, удостоилась высшей награды в областном конкурсе.

Писатель, по моему глубокому убеждению, всегда рискует, рассказывая о своих героях от первого лица. Помню, как читая набоковскую «Лолиту», восхищалась искуснейшим узором его стиля и негодовала, испытывая чувство гадливости и отвращения к автору за его «деяния» – растление малолетней и попытку её же представить нам виновной, этакой соблазнительницей – нимфеткой. Сергей Поляков, несмотря на «я» в своих рассказах и повестях, отрицает, что пишет

про себя. «В этом случае всегда парализует стыд, начинаешь стесняться. Один из моих институтских приятелей говаривал: «В себя погружаться боюсь: мелко и воняет»».

Больше того, считаю, что писатели вместе со всеми людьми искусства должны жить на Олимпе или Парнасе (ну, или, хотя бы, в областном городе), а мы, простые смертные, не должны знать ничего об их жизни, кроме результатов творчества. *Sancta simplicitas!* Будто мифология донесла до нас только великие подвиги обитателей священной горы. И всё-таки, когда в рассказах обнаруживаешь знакомых тебе персон и известные события, проецируешь своё отношение с героев на автора. Тем более почётен этот труд – жить на виду у всех, быть осмеянну и осуждённу окружающими за всё хорошее и плохое, ибо нет пророка в своём отечестве, а если ты претендуешь на его звание, то и спрос с тебя особый, писать о них и о себе, показывать во всех видах и будить совесть. Вот какие мы есть! Будем же к себе строги и беспощадны, а к другим снисходительны и милосердны.

Земляки Сергея Полякова после чтения его рассказов и повестей не раз уличали и упрекали автора в неточности или в недостоверности излагаемых событий, забывая, что это не документалистика, а художественные произведения со своими законами, правилами и принципами. По мнению самого писателя как минимум половина в содержании должна быть вымыслом: «Иначе – не интересно». Но главными условиями остаются актуальность и художественность.

В давние времена от начинающего прозаика требовалось овладение законами и навыками стихосложения и, прежде всего, размером и ритмом, ибо основой всего сущего на земле является ритм – пульсация. Вряд ли современных прозаиков принуждают к стихотворчеству. Если они и берутся за это, то по велению души. Как правило, душа требует этого, когда возникает первая влюблённость. Так произошло и с героем повести Сергея Полякова «На девяти холмах». Он же и оценил собственный «перл» самокритично – «несовершенный», «неуклюжий». То ли кокетничает автор, то ли лукавит, но сдаётся мне, что стихотворение это слишком хорошо для подростка, и, подозреваю, создано было во время написания повести.

Идея фикс – падание в снег.
Вид умопомрачения, болезни.
Страх, и восторг,
Короткий вскрик и смех.
Одной. Вдвоём.
В обнимку с милым другом.
Обнявшись. Кувырком.
То вместе, то поврозь.
И поцелуй нечаянный, неловкий,
Куда-то в щёку или в нос.
И сразу неудобство и столбняк.
Всё сыплет мелкий снег...
И замечает чувства след пороша.
Остался лишь проталинкой в душе,
Местечком, где распустится подснежник,
Тот поцелуй...

А вот ещё «признание» Полякова:

Суровый Дант не презирал сонета,
А Поляков - тот презирал...

Между тем, подаренные ему некогда книги «О русском стихосложении» и «Поэтический словарь» Квятковского он зачитал «до дыр».

Поэтические опыты Полякова практически нигде не опубликованы. Мне они попали в рукописном варианте. И хотя потребовалось время, чтобы «вжиться» в них, с уверенностью скажу, что они раскрывают ещё одну грань его таланта и не противоречат его жизненным и творческим установкам. И вновь беспощадно к себе – от первого лица.

То небольшое, что успел срифмовать прозаик «Полякофф», можно условно разделить на две

группы. Первая - это стихи о несуразном человеке, живущем в несуразном, «перевернутом» мире, который мы принимаем за норму, где мужчина и женщина не *любят*, а *живут*; где пьют не *вино*, а *пойло*; где *жрут*, а не «*вкушают*», и т.д. Вторая группа - стихи о поэзии и поэте.

С виршами первой группы помучилась, пытаюсь проследить в них какую-то логику, концепцию автора, систему. Вдобавок смущала несвойственная прозе Полякова лексика, которую можно услышать разве что в быту. Когда, наконец, подобно андерсеновскому Каю, удалось сложить из них жизненную цепочку - от рождения до смерти, увидела, что мучает новоявленного поэта.

Что случилось с моим богоносным, наивным народом?

Что с ним станет потом? – Вот о чём разговор.

Давно известно: враг в тебе самом,
А не в селе, округе, околотке.

Я начинаю тихо прозревать,
Пусть даже не совсем и кстати.

Вот это жизнь. И здесь опять Христос,
А рядом с ним привиделся Иуда,
И я меж ними. И один вопрос:
«Куда идти, пришедши ниоткуда?»

Перебирая эти стихи, решила, пусть цикл заканчивается стихотворением об аномалии в природе. Это всё же вселяет надежду на то, что «Красота спасёт мир».

Купавка за окном на бледном фоне луга
Зачем-то расцвела...

Хочется верить, что расцвела она, чтобы вернуть мир в нормальное состояние.

Во второй группе стихов мне почудилось даже ёрничанье. Отнесла это на счёт склонности автора к самокопанию, самокритике, самобичеванию. Не считая себя поэтом вовсе или ценя невысоко, он прикрывается бравадой, шутовством. Это не мешает ему реалистично показать нынешнее положение поэта, писателя.

А как иначе, коль живёшь в России,
Где нет порядка и не будет впредь?
Где книг не купят, ждут, чтоб подносили.
Так шевелись же, чтоб не околеть.

Но в одном Поляков несомненно прав:

Талант – от Бога. Бог не даст соврать.

Обладая природным юмором, писатель дозированно расцвечивает им свои произведения и, кроме того, пытается писать вещи, где юмор концентрируется в «Инструкции для лиц, работающих в дипломатических аквариумах, управленческих заведениях и других камерных структурах».

Публицистические выступления Сергея Полякова демонстрируют прежде всего степень его гражданственности. Как бы суровая действительность ни заставляла его отвлекаться от творчества и зарабатывать на кусок хлеба, он не остаётся в стороне от вопиющих фактов, событий и явлений в жизни города, региона и, в целом, страны, ибо болячки выросли общие. Пишет ли автор протест против строительства АЭС на Южном Урале, с озабоченностью ли рассказывает, как идёт реставрация Божьего храма в Нижнем Уфалее, излагает ли свои соображения о преодолении материального и духовного коллапса в стране, в любом случае делает это аргументировано, компетентно, настоящим журналистским слогом.

При знакомстве с произведениями литературы, искусства нет-нет да возникают реминисценции, либо нечаянные, либо преднамеренные. Иногда это прямые аллюзии: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный». (А.С.Пушкин) Они являются свидетельством не только начитанности и эрудированности авторов, но, главное, говорят о преемственности эпох,

литературы, искусства, о вечности духовных ценностей, непреходящем значении нравственных исканий. Прослеживается этот принцип и в произведениях Сергея Полякова. Так, например, его рассказ о бане «Серов и Романенко» начинается до боли знакомым марксистско-ленинским определением коллектива. Но писатель вставляет сюда всего одно слово, и определение «взрывается», заставляет читателя рассмеяться, и всё идёт по другому руслу: «Исторически сложившаяся общность *голых* людей, объединённых общими интересами...»

Писатель Сергей Поляков обладает великолепной памятью. Врождённое это качество или благоприобретённое, профессиональное, но он знает и читает наизусть не только стихи, но и большие куски прозы – чужое и своё. Восхищается удачным слогом, отдельным, к месту, словом. Переживает и обижается на редакторов, которые не придают такого значения написанному, как автор. Так, в его рассказе «Сынок» попутчик, увидевший в кабине шофёра фото Шварценеггера, предсказывает: «Этот косточки соберёт, соберёт и в *кучку* сложит». То ли редактор, то ли корректор посчитали, что это слово сойдёт и без уменьшительного суффикса, и, не согласовывая с писателем, напечатали «в кучу», чем, по мнению Полякова, обесценили выразительность высказывания персонажа.

Сергей – мастер устного слова. Реальные события он излагает так артистично, образно! В его устах все фабулы превращаются в законченные сюжеты с завязкой, кульминацией, развязкой и непременно подтекстом. У слушателя создаётся впечатление, будто автор читает наизусть ранее написанное.

Ещё в 1996 году в Верхнем Уфалее благодаря стараниям молодого специалиста культуры Марины Шмидт был открыт театр «Вымысел». Стартовал он спектаклем по рассказам Сергея Полякова. В 2011 году творческий коллектив этого театра под руководством того же режиссёра Марины Шмидт, которая к этому времени стала уже директором челябинского Театра слова, новый сезон открыл премьерой «Время собирать камни», так же работой по рассказам Полякова. «Что же, следующего спектакля по Полякову подождём ещё 15 лет», – горько пошутила его жена Галина. Взятые для спектакля повести и рассказы написаны не вчера, но смотрятся очень современно и своевременно. Народная мудрость, выраженная самобытной речью бабулек, формирует понятия о Боге, жизни и смерти. Однако перед нами не благостная картинка с «божьими одуванчиками». Мы видим одновременно не всегда приглядную действительность – изнанку уральской глубинки. Показанные истории учат нас пристальнее всматриваться в жизнь, отделять зёрна от плевел.

Сергей Поляков находится сейчас в самой зрелой поре своего возраста – в зените. Теперь он уже не ищет славы. Пытаясь оценить свою значимость, вновь иронизирует: «Я часто задаю себе вопрос: «Велик ли я?» – и, знаете, сомнения в груди роятся», – любит он повторять фразу персонажа из пьесы Константина Сковорода.

Как бы ни была сложна жизнь, как бы ни крутило, ни вертело, можно с уверенностью сказать, что сделано немало – доброго, нужного. Не количеством сборников меряются заслуги, не числом рассказов и повестей, написанных или напечатанных за эти годы, и не числом читателей. И уж вовсе не подсчитать, сколько людей задумались над прочитанным и что-то пересмотрели, поменяли в себе. Можно потешить своё самолюбие тем, что статья о писателе и рассказ «Зарок» попали в хрестоматию для учащихся 10 – 11-ых классов «Литература России. Южный Урал»; в энциклопедии «Челябинская область» также есть статья о писателе Сергее Полякове. Рассказ «Зарок» был выбран редакцией немецкого журнала «OST – WEST PANORAMA» и напечатан в майском номере в 2011 году со статьёй автора «Трудные вопросы» о непростых отношениях двух народов, русского и немецкого. Сергей считает, что он выполнил данный себе зарок, выпустив большую книгу верхнеуфалейских литераторов «Верьте моему слову», куда вошли произведения почти всех авторов.

Если бы можно было вычислить, сколько мозговых, нервных клеток истратил писатель, сколько сокращений сердечных мышц приводят к износу сердечного аппарата в отдельности и организма в целом! Несомненная заслуга Сергея Полякова в том, что он, в силу своего таланта служил и служит Слову, людям, Родине – большой и малой, как бы высокопарно это ни звучало. Заботит писателя другое – как точнее выразить в слове своё видение мира, жизни, людей, их борений, хотя и сокрушается он, что востребованность к истинному, высокому слову в обществе

ослабла. «Слово всегда было и остаётся спасением, если сориентировано на соблюдение заповедей, иначе оно окажется безблагодатным», - говорит писатель. «Слово – пища для души. Она черствеет, загнивает, если «корм» недоброкачественный. Доброе слово, вовремя сказанное и в нужном месте нуждающемуся человеку, иногда решает его судьбу».

Настоящее издание, по его признанию, вызвано не желанием «подновить» староизданное, но, «прежде всего, для сохранения нашего уральского самобытного образного слова», и подкрепляет сказанное словами протопопы Аввакума: «Понеже люблю наш родной русский язык».

Личность самого Сергея Полякова сложная, неоднозначная. В его поэтических опытах «Подражания Хайяму» написано:

Всё, что слышали вы обо мне, - это ложь.
Ни один человек на портрет не похож.
Никогда моей правды никто не узнает,
Всё равно моей правды и ты не поймёшь.

Нередкое имя, нередкая фамилия, прямо указывающая на местность, откуда тянутся их родовые корни, что подтверждается и внешностью. Покопавшись, он изучил этот вопрос и обнаружил, что фамилии Литвиновы, Немчиновы, Поляковы и пр. давали казацким приграничным поселениям, жители которых, конечно же, ассимилировали с закордонным населением, образуя своеобразные этнические изыски. Редкий он сам. Светлой памяти Александр Васильевич Баранов, директор детской школы искусств в Нязепетровске, который был своего рода гуру для тех, кто его искал, как-то выразил ментальность местного населения словом «нязепетровщина» в негативной тональности. Мне же думается, что Сергей Поляков – квинтэссенция нязепетровщины, но не только с минусом, а во всей совокупности составляющих это явление: вековой мудрости, талантливости, нарочитой простоватости («простины»), хитроватости, находчивости, преданности и многого, многого другого.

Связи с Нязепетровском он до сих пор не порывает. Корни пустил в Верхнем Уфалее, а здесь осталась его душа. Здесь он отдаёт дань «отеческим гробам». Сергею повезло в том, что он был выпестован дядьками, тётками и бабками того поколения, которое ещё жило по библейским заповедям, и в той среде, где говорили на простом, образном русском языке. Сергей впитал всё это и проникся любовью к своим пестунам и родным местам. Подростком написал он в своём дневнике: «Всё, что доброго сделаю, - Нязюшке посвящаю». Этому зарок он следует всю жизнь.

Т. Ильина 2012 г. Нязепетровск

